

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. Скребицкий
ДЛИННОХВОСТЫЕ
РАЗБОЙНИКИ

Школьная библиотека (Детская литература)

Георгий Скребицкий
**Длиннохвостые
разбойники (сборник)**

Издательство «Детская литература»

Скребицкий Г. А.

Длиннохвостые разбойники (сборник) / Г. А. Скребицкий —
Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека
(Детская литература))

В книгу входят рассказы и сказки о родной природе известного писателя-натуралиста. Для среднего школьного возраста.

© Скребицкий Г. А.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

О моём друге	7
Рассказы	9
ЧЕМУ НАУЧИЛА СКАЗКА	9
БЕЛЫЙ КОРАБЛИК	13
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	17
ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША	22
ВОРИШКА	23
ДЖЕК	25
СИРОТКА	30
ПУШОК	32
НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ	33
ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Г. Скребицкий?

1903—1964

Георгий Алексеевич Скребицкий **Длиннохвостые разбойники**

© Скребицкий В. Г., Васькова Т. И., 1944—1956

© Архангельский Вл., предисловие, 1973

© Скребицкий В., послесловие, 2001

© Романов В., рисунки, 2001

© Оформление серии, составление. Издательство «Детская литература», 2001

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

О моём друге

Тяжело писать о близком человеке, который долго шёл рядом, а теперь его нет. Не раз мы путешествовали вместе по стране, коротали дни на охоте и на рыбалке, в погожие летние и осенние дни собирали грибы в лесах Подмосковья. И часто говорили о литературе для детей. Нас роднило то, что оба мы писали о людях, влюблённых в природу, о животных и птицах, о путешествиях и всяких приключениях с нами.

Георгий Алексеевич за тридцать лет написал немало хороших книг. И читатели – прежде всего дети, подростки – узнавали с его помощью многое в прекрасном мире нашей природы.

Был он удивительным тружеником: написал много, но сказал далеко не всё, что задумал. В записных книжках у него были заметки о новых замыслах, но они так и остались неосуществлёнными.

Работал он каждый день и без всякой натяжки мог сказать, что свой труд за письменным столом считает «сладкой каторгой».

– Начинаю новую книгу. Возникают образы, и все они как шахматные фигуры в длинной и сложной партии, – говаривал он мне. – Зародились они в моей голове и по моей указке живут: страдают и радуются. Великая в этом сладость! А записать все замыслы на бумаге, начать и удачно завершить сюжет – ну просто «каторга»!..

Он не расставался с записной книжкой, раскрывал её часто и вносил в неё зарисовки даже в свободные минуты на охоте и на рыбалке. А если не писал, то рассказывал: сочно, образно, выпукло. И всегда обнаруживал ту удивительную точность языка, которая отличает подлинно интеллигентного, образованного человека. Он любил народный говор, но ненавидел словесные сорняки, ругань и всякие непристойности, уходящие корнями в далёкую российскую дикость.

Каждую новую книгу он начинал трудно, как и положено истинному мастеру. Запирался дома, к телефону не подходил. Мы это знали и в такое время его не тревожили. Но проходил месяц, другой... и вдруг раздавался звонок.

– Живой? – спрашивал он.

– Ага.

– Я иду в фарватере, как говорят моряки, и скоро доберусь до цели. Но утомился дьявольски, хочу глотнуть свежего воздуха за городом. А между прочим, ледок окреп, и кто-то ринулся уже за окуньками. Не пора ли и нам?

– Самое время.

– Ну, готовься, а я пойду машину проверить.

Это означало, что завтра можно отправляться в путь.

На охоте везло нам не часто. Бывало, послушаем по весне одиночного вальдшнепа в берёзовой куртинке под Москвой или выпалим по десятку патронов на утином перелёте. А то побегаем на под слух за гончей по чернотропу и под вид им одного косога. Но чтоб ягдташ был полон, как подушка, – такого не припомню.

Рыбалка случалась добычливее, да и то, если ехали мы с очень сильным желанием одарить друзей плотвой или окунями и направлялись за тридевять земель – к голубым озёрам Валдая, или на Оку – почти под Касимов, или за Переславль – на реку Вёксу, или на просторы волжских морей. А частенько и так бывало: посидим летом под ракушкой, повздыхаем, что оскудел водоём, послушаем перепелиный бой, Коростелёву трещотку да надышимся властью ароматами луговых трав.

– А как же быть с ухой, Егорушка? – спрошу я.

– В другой раз. Нынче во сне уху повидаем, и на том спасибо!

Был он человек добрый, благородный. К тому же обязательный и точный. Дружить с ним было легко, в радость: ведь действительно человеку дороже всего человек!..

В конце 50-х годов стал он грузнеть и однажды пожаловался на резкую боль в почке. Врачи тогда вылечили его.

Летом 1964 года поехал он на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Там он долго беседовал с ребятами в павильоне юных натуралистов, сидел на берегу пруда под плакучей ивой и глядел, как незадачливые рыболовы охотились за карпами. Неожиданно он почувствовал себя плохо, и через день пришлось его доставить в больницу с приступом острой боли в сердце. Врачи установили инфаркт. Месяца через полтора здоровье его пошло на поправку. Он уже собирался выписаться из больницы и уехать в санаторий. Но случился второй инфаркт. Сердце отказало. И 18 августа 1964 года мы потеряли писателя и друга.

Моё поколение охотников, следопытов и натуралистов давно свыклось с близким нам именем Георгия Алексеевича Скребицкого. А про детей и говорить нечего: своему «дедушке-юннату» написали они сотни, тысячи восторженных писем и встречались с ним очень часто.

Общаясь с Георгием Алексеевичем из года в год, я никогда не задумывался, какое место принадлежит ему в русской литературе, открыто обращённой к людям на природе, к большим раздумьям об извечной красе наших российских просторов.

Но теперь я вижу отчётливо. Зачинали эту литературу Иван Сергеевич Тургенев и Сергей Тимофеевич Аксаков. В наши годы продолжали её Михаил Пришвин, Виталий Бианки, Иван Арамилев, Александр Шахов, и сейчас продолжают многие их младшие товарищи. В их произведениях весьма большое место уделено пейзажу, природе, натуралисту, великой охотничьей страсти следопыта.

Георгий Алексеевич Скребицкий расширял границы нашего представления о том прекрасном в природе, что помогает нам лучше видеть свою Родину и горячо любить её. Любовь к природе была у него неиссякаемым источником великой любви к Родине.

В «Рассказах охотника» и в «Охотничьих тропах» Г. Скребицкий – враг браконьерства и вдумчивый советчик молодого человека, впервые взявшего ружьё в руки. В книге «С ружьём и без ружья» он делает упор на то, что радует в природе и достойно пристального внимания думающего наблюдателя. Зоркий глаз и фотографический аппарат дают иной раз так много, что нет необходимости и вспоминать о задуманном выстреле. В «Лесном эхе» собраны его рассказы о первых шагах будущего натуралиста и проводится мысль, как важно с малых лет бережно относиться к природным богатствам. В большой книге «За лесной завесой» – как бы весь Скребицкий: натуралист, прекрасный человек, которому много пришлось встречаться с лесниками, охотниками, рыболовами, учёными, пастухами, юными натуралистами.

Книги Г. А. Скребицкого: «Весёлые ручьи», «Друзья моего детства», «Листопадник», «Лесной голосок», «Лесной прадедушка», его повести о детстве и юности: «От первых проталин до первой грозы», «У птенцов подрастают крылья» – заслужили большую любовь читателей.

В книге «За лесной завесой» Георгий Алексеевич писал, обращаясь к своим читателям: «Родная земля – родная природа, сколько радости, сколько счастья подарила она мне за мою долгую жизнь. И я от всей души хочу, чтобы эти радости, это счастье выпали на вашу долю».

И эта радость не оставляет нас, когда мы идём от рассказа к рассказу Георгия Скребицкого, путешествуя вместе с автором по просторам Родины.

Был он человек большого и светлого таланта, и книгам его уготована счастливая и долгая жизнь.

Вл. Архангельский

Рассказы

ЧЕМУ НАУЧИЛА СКАЗКА

Одно из первых стихотворений, которое в детстве я знал наизусть, была «Песнь о вещем Олеге».

С этим стихотворением связано много воспоминаний. Прежде всего мы с братом Серёжей его обычно читали вслух, когда приходили гости. А иногда вечером, если папа не уходил к больным и был в хорошем настроении, он подсаживался к роялю, храбро, хотя и не очень умело, брал первый аккорд и начинал вполголоса напевать эту же песнь. Серёжа и я являлись на помощь и дружно подхватывали.

В исполнение любимой вещи мы все трое старались вложить как можно больше души и страсти. Наши голоса звучали всё громче и всё грознее, совсем заглушая аккомпанемент.

Частенько в самый трагический момент, когда Олег упрекает кудесника: «Ты лживый, безумный старик! Презреть бы твоё предсказанье!» – в комнату торопливо входила мама. Она указывала на открытое окно и с испугом говорила: «Алексей Михайлович, Алексей Михайлович, ради Бога потише, ведь подумают, что у нас пьяные дерутся!...»

Но мы не сдавались. Пусть думают что хотят.

«Песнь о вещем Олеге» продолжала звучать так же громко и так же воинственно.

Я очень любил эту вещь, в особенности за таинственность её слов, многие из которых совершенно не понимал. Что такое «вещий», или «неразумным хозарам», или «обрек»? Даже самые обычные слова здесь воспринимались мной в каком-то совершенно новом, совершенно особенном смысле. Так, например, я приходил в восторг от непонятого выражения «за буйный набег». Я знал слово «буйный». А уж «за буйный» – это, наверное, что-то особенно сильное, отважное и удалое.

Вся песня была таинственна, непонятна, и именно поэтому мне ещё больше нравилась.

Однако лучше всего, конечно, то самое место, где «из мёртвой главы гробовая змея, шипя, между тем выползала...»

До сих пор помню, как в этом месте холодные мурашки пробежали у меня по спине и я украдкой заглядывал на рояль, не покажется ли из тёмного угла роковое чудовище.

Однажды я спросил Серёжу, как он думает: в каждом ли конском черепе, которые валяются по канавам, живёт гробовая змея? Серёжа ответил утвердительно.

Это открытие было жутко, но увлекательно. Посоветовавшись, мы решили выгнать змею из её убежища, защемить деревянной рогатиной и принести в подарок Михалычу.

И вот в первый погожий день, как только Серёжа пришёл из школы, мы вооружились рогатинами и отправились в опасное путешествие. Дома сказали, что идём играть к товарищам.

За городом всё уже зеленело. По склону оврага цвела черёмуха. Бабочки, пчёлы, жуки кружились возле мохнатых веток. А как хорошо пахло от этих цветущих кустов, от свежей травы, от молодых, едва распустившихся листьев!

Как звонко откуда-то с высоты разливались песни жаворонков!

Но нам с Серёжей было не до цветов и не до песен. Мы осторожно пробирались по склону оврага, среди зарослей молодых лопухов и крапивы.

Где же конские черепа? Казалось, раньше они валялись повсюду, в каждой канаве, а вот теперь, когда надо, нет ни одного.

Наконец у самого дна оврага я заметил белевший череп. Он почти целиком был укрыт листьями лопуха. Череп лежал на земле, оскалив зубы и глядя на нас чёрными впадинами пустых глазниц.

На дне оврага было сыро и темновато от густо разросшихся кустов бузины. Где-то в ветвях тревожно застрекотали сороки, предупреждая нас о грозящей опасности.

Дрожа и подбадривая друг друга, мы приближались к таинственному обиталищу гробовой змеи.

– Давай бросим сначала камень, – сказал Серёжа.

– Давай.

Камень стукнулся о голую кость. Мы взяли рогатины на изготовку.

Но змея не появлялась.

– Затаилась, – прошептал Серёжа. – Бросим ещё один.

Бросили. Опять ничего.

Понемногу осмелев, мы подошли поближе к черепу и наконец решили копнуть его концом рогатины. Серёжа первый подцепил палкой за челюсть, сдвинул череп с прежнего места. И вдруг из-под зелёного лопуха показалось что-то тёмное, изогнутое...

– Змея!

Мы отскочили прочь.

Но тёмный крючок не двигался, не нападал на нас.

– Да это рог! – приглядевшись, воскликнул Серёжа. – Коровий рог!

Вот так сюрприз! Значит, и череп был совсем не коня, а коровы. В зарослях лопухов рога-то мы сразу и не заметили. Всё было ясно – в коровьем черепе гробовая змея, конечно, не должна водиться.

Так бесславно кончилось наше первое путешествие, наша первая охота за гробовой змеей.

Однако эта неудача не заставила нас с Серёжей упасть духом, мы вовсе не успокоились и продолжали поиски конских черепов.

Черепы мы нашли, но, увы, ни в одном из них гробовой змеи так и не оказалось.

Ну и что ж? Не беда! Пусть гробовая змея обитала только в одном-единственном черепе, на который так неосмотрительно наступил злосчастный Олег, пусть так, но от этого наши поиски не стали менее интересны.

Мы с Серёжей воображали себя отважными охотниками, ловцами ядовитых змей. С самого утра мы отправлялись на поиски, лазили по канавам, оврагам, продирались сквозь колючие заросли шиповника. К полудню солнце начинало уже припекать, обжигало шею и спину. Но в кустах долго ещё сохранялась утренняя прохлада, и капли росы, словно круглые прозрачные жучки, сидели на листьях, на розовых лепестках цветов.

Тронешь ветку, и капля-жучок вмиг оживёт, побежит по ней, покатится вниз, спрыгнет в траву, сверкнув напоследок золотым огоньком.

Но вот заросли кончились. Впереди лужайка. Она вся в цветах. Тут и синие колокольчики, и красный клевер, и розовая полевая гвоздика... Особенно хороши ромашки – большие, глазастые, с золотой сердцевинкой и белоснежными лепестками. Они тянутся к солнцу и сами похожи на золотое солнышко; сотни, тысячи крохотных солнышек здесь на земле, совсем рядом с нами.

Цветы на земле среди густой зелёной травы и «цветы» над землёй, в воздухе, – целый рой порхающих бабочек с крылышками как яркие лепестки: пёстрые крапивницы, перламутровки, адмиралы, тёмно-бурые, почти чёрные траурницы с белой оторочкой на крыльях, жёлтые лимонницы и скромные, как голубые фиалки, мотыльки.

Мотыльков особенно много около луж. Они садятся на бережок и сидят стайками у самой воды.

А в воде своя особая жизнь: по гладкой поверхности лужи, будто по твёрдому льду, носятся взад и вперёд длинноногие водомерки, бегают по воде и не тонут.

Вот вынырнул из глубины подышать чёрный жук-плавунец; а паук-водолаз, наоборот, ныряет в глубину, унося с собой пузырёк воздуха для своего подводного колокола.

Всюду: в воздухе, на земле и в воде – кипела жизнь, жизнь, похожая на чудесную сказку.

И вот, бродя в поисках гробовой змеи, я невольно следил за нею.

Можно ручаться, что, создавая свою легенду, Пушкин никогда не мог и помыслить, что она сослужит когда-нибудь столь странную службу – заставит двух ребят искать таинственных обитателей черепов и попутно знакомиться с жизнью природы. Но именно так и случилось: «Песнь о вещем Олеге» дала первый толчок моим наблюдениям над миром природы; мало того, она сразу же придала им всю прелесть чего-то таинственного и прекрасного. Живая природа и чудесная сказка слились в моей душе воедино и, помимо сознания и воли, уже заранее предначертали весь мой дальнейший жизненный путь.

Наверное, в те самые дни, когда я с замиранием сердца разыскивал по заросшим канавам конские черепа и старался выгнать из них роковое чудовище, именно тогда-то бесповоротно решилась моя судьба. Сказка Пушкина показала мне окружающий мир через волшебное стёклышко красоты и поэзии, она подружила меня с природой и с творческим вымыслом, заставила всей душой поверить в них и служить им всю мою жизнь.

БЕЛЫЙ КОРАБЛИК

Моё любимое время года – весна, только совсем не такая, когда зазеленеет трава и на деревьях распустятся листья, нет, я люблю самое начало весны.

Вот по ложбинкам побежали, забулькали ручейки, раскисли дороги, и по ним важно разгуливают чёрные, белоносые грачи. Вот в полях, по буграм, на припёке показались первые проталины, запели над ними жаворонки. Это и есть моё самое любимое время года – пробуждение земли, её первая улыбка солнцу.

Люблю в эту пору надеть не шубу, а лёгкую охотничью куртку, высокие сапоги и пойти побродить за город.

Иду, не стесняясь, прямо по грязи, по лужам, а потом сажусь где-нибудь у обочины дороги на сваленные брёвна или на кучу камней, снимаю шапку и подставляю лицо горячему апрельскому солнцу.

– Какой вы чёрный, наверное, только что с юга? – спрашивают после такой прогулки знакомые.

– Нет, юг сегодня сам ко мне приезжал, – отвечаю я.

Знакомые удивляются, не могут понять, в чём дело, ну и пусть!

А ещё знаете, ребята, что я люблю весной делать? Пускать с детворой по ручьям бумажные кораблики. Пускаю их, и вспоминается мне то далёкое время, когда я сам был таким же вот малышом. Я даже стихи написал об этом:

Опять весна, воды разлив,
И нет в помине зимней стужи.
Я вновь пускаю корабли
По ручейкам и вешним лужам.

Я снова штурман, капитан.
Мой флот – ребячьих лет наследство.
Я с ним плыву из дальних стран
В страну покинутого детства.

Как славно раннею весной
Вести суда рукой умелой;
Журчит ручей передо мной
И вдаль несёт кораблик белый.

Да, счастливое время жизни – детство, и счастливое время года – весна. Только вспомню о них, и передо мной, как наяву, встаёт наш крохотный городок, весь залитый весенним солнцем. Блестят окошки, крыши домов; весь городок выглядит таким нарядным, весёлым!

Зато под ногами – сплошная грязь, сплошной кисель из тающего снега, ни пройти ни проехать.

Взрослые сердятся, ругают весну, ждут не дождутся, когда же сойдёт весь снег и земля просохнет. Но для нас, ребяташек, это самое хорошее время.

Только, бывало, выбежишь из дома во двор, так и пахнёт в лицо свежим весенним духом. И какой это расчудесный дух: пахнет тающим снегом, размокшей землёй, конским навозцем и сохнувшими тёплыми крышами тоже пахивает.

От одного этого духа уже замирает сердце. Так бы и полетел над землёй прочь из города, туда, где пестреют проталинами оживающие поля. Но лететь над землёй в тёплой ватной

куртке, в глубоких резиновых калошах, да ещё не имея крыльев, увы, никак невозможно. Над землёй – невозможно, зато пролететь по земле, да так пролететь, чтобы брызги кругом выше головы взвивались, это не только возможно, но просто необходимо.

Пускай и штаны, и куртка, и даже шапка на голове – всё будет мокрым-мокро, пускай дома под вечер мама всплеснёт руками и только ахнет: «Ну и хорош, хоть выжми! – и сурово добавит: – Завтра весь день будешь дома сидеть!» Пускай случится всё это, но только потом, под вечер. А сейчас, пока так ярко светит солнце, пока кругом по канавкам журчат ручейки, времени терять нечего. Скорее за дело!

Во всех карманах уже заранее напихана белая бумага. Остаётся только аккуратно оторвать от неё четырёхугольный листочек, перегнуть его несколько раз по строго продуманному плану, потом взять за уголки – раз, два... потянул – вот и получился белый кораблик. Пустишь его на воду и любишься, как мутные волны весеннего ручейка подхватят твоё судёнышко, подхватят и понесут.

Ой, сколько радости! Бежишь рядом по грязи, стараешься не отстать от кораблика. В руках длинная палка. Ею надо вовремя ловко подправить судно, чтобы оно не наскочило на мель или на каменную скалу. Тут уж не зевай, смотри в оба, ведь ты одновременно и рулевой, и капитан. Не усмотрел – конец. Судёнышко опрокинулось, его захлестнула вода. Теперь ты уже не капитан, а спасательная команда. Концом той же палки подхватываешь потерпевший аварию корабль и ловко выбрасываешь на берег. Правда, восстановить судно невозможно: его корпус совсем размок, раскис, но это и не важно. Важно, что корабль спасён, благополучно доставлен на берег. А взамен его через минуту будет готов уже другой. И снова спуск судна на воду, стремительный бег по волнам, подводные рифы, крушение. И вновь спасательная команда, не щадя сил и собственного обмундирования, спешит на помощь погибающим.

Ну разве при такой адской работе есть время думать о каких-то штанах, башмаках, калошах?! А вот мама этого никак понять не хочет и грозит, пока не подсохнут улицы, совсем из дому не выпускать. Впрочем, это только одни угрозы. За вечер, за ночь одежда высохнет и даже нагреется у жаркой печи. А мама за это же время немножко остынет от гнева и утром снова пустит гулять. Правда, перед гуляньем она берёт с меня слово, что я даже близко к ручьям и лужам не подойду.

Слово, конечно, даёшь и даже веришь сам, что его не нарушишь. Но разве удержишься перед соблазном?!

Сначала решаешь пустить только один кораблик и полюбоваться на него только издали. Потом – ещё один. А потом незаметно для себя увлечёшься – и бултых по колено в воду! Ну, тут уже всё равно, терять теперь больше нечего, да и как говорится в пословице: «На миру и смерть красна!» Ведь все твои товарищи такие же мокрые, грязные, со всех хоть лопатой грязь скреби.

Весело пускать по весенним ручьям белые бумажные кораблики, но особенно интересно бывало удрать подальше от дома, на нижнюю улицу, к самой речке. Здесь, внизу, уже не ручьи, а настоящие потоки. Они не журчат, а прямо ревут, врываясь с брызгами, с пеной в широкий разлив реки.

Хорошо прибежать на нижнюю улицу, поглазеть на разлив, а потом запустить свой кораблик в бурный поток, несущийся прямо в реку. Одно только плохо: ни один кораблик до реки не доплывёт, сразу его потоком подхватит, перевернёт, захлестнёт волной, вот и пропал, даже спасательная команда помочь не успеет.

Только один раз, помню, совсем иначе вышло. Был у меня в кармане листочек бумаги, поплотнее других, вроде восковки. «Дайка, – думаю, – из него кораблик сделаю». И хочется сделать, и жалко такой материал испортить, всё равно ведь сразу кораблик водой зальёт. Подумал, подумал и всё же решил – сделаю.

Хороший получился корабль: плотный, крепкий такой. Даже жаль его на верную гибель пускать, ну да уж будь что будет!

Пустил. Гляжу, подхватила вода мой кораблик и понесла. Кругом волны кипят, подбрасывают его, из стороны в сторону кидают. А он и не тонет, ему хоть бы что! Такой крепкий, устойчивый, только покачивается и плывёт всё дальше и дальше.

Я рядом с ним со всех ног бегу, и другие ребята за мной поспешают. Но вот и конец, бежать дальше некуда, дальше река. В этом месте поток с глухим рёвом вниз обрывается.

Пропал мой кораблик! Нет, не пропал! – перелетел на волне через страшное место – и уже на реке.

Гляжу на него и глазам не верю. Поплыл мой кораблик в речную даль. Вот он всё меньше и меньше, вот уже крохотной белой точкой мелькнул и скрылся.

Ребята вокруг шумят, кричат: «Юркин корабль не потонул, в реку уплыл. Может, до самого моря теперь доберётся!»

Отошёл я тогда от ребят в сторонку и побрёл один вдоль реки. Иду, а сам на широкую водную гладь посматриваю – не видать ли где моего кораблика. Нет, нигде не видно. Значит, совсем уплыл.

Так я в тот раз к ребятам и не вернулся, а прямо пошёл домой.

Мама даже удивилась:

– Что это ты так рано и даже сухой совсем? Почему такой невесёлый? Случилось что-нибудь?

Я только головой кивнул.

Мама забеспокоилась:

– Что, что случилось?

А я хотел рассказать и не смог – и вдруг в слёзы, только твержу одно:

– Кораблик, кораблик уплыл, совсем уплыл...

Мама сразу же успокоилась и даже рассмеялась:

– Вот так несчастье! Ещё сделаешь. Я тебе хорошей бумаги дам. Ну, перестань плакать, стыдно из-за таких пустяков.

Не поняла меня мама: не бумаги мне было жаль. Я знал, что мама мне ещё лучше даст, из неё я наделаю много-много корабликов. Но только того, самого первого, который в речку, а может, даже в море уплыл, никогда не увижу.

Кораблик-герой! Пусть он был сделан из листочка самой простой бумаги. Но ведь он первый преодолел все трудности, все преграды. И вот теперь он уплыл от меня – от своего капитана – и больше уже никогда не вернётся. И от одной этой мысли я вновь был готов горько заплакать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как-то поздно вечером, набегавшись за день по двору, я сидел вместе с папой и мамой за столом. Мы ужинали.

– Ты знаешь, какой завтра день? – спросила мама.

– Знаю: воскресенье, – ответил я.

– Верно. А кроме того, завтра – день твоего рождения. Тебе исполнится восемь лет.

– Ого, да он уж совсем большой вырос! – будто удивившись этому, заметил папа. – Восемь лет... Это ведь не шутка. Осенью в школу пойдёт. Что бы ему подарить к такому дню? – обратился он к маме. – Игрушку, пожалуй, не годится...

– Да я уж и сама не знаю, – улыбаясь, ответила мама. – Нужно что-нибудь придумать.

Я сидел как на иголках, слушая этот разговор. Конечно, папа с мамой только нарочно говорили, что не знают, что бы такое мне подарить. Подарок уж, верно, давно был приготовлен. Но какой подарок?

Я знал, что, сколько ни проси, ни папа, ни мама до завтра ни за что не скажут.

Приходилось ждать.

После ужина я сейчас же пошёл спать, чтобы поскорее наступило завтра. Но заснуть оказалось совсем не так просто. В голову всё лезли мысли о подарке, и я невольно прислушивался к тому, о чём говорили в соседней комнате папа с мамой. Может, они, думая, что я уже заснул, скажут что-нибудь о подарке. Но они говорили совсем о другом. Так я, ничего не услышав, наконец заснул.

Наутро, как только я проснулся, сейчас же вскочил с постели и хотел бежать за подарком. Но бежать никуда не пришлось: возле моей постели стояли у стены две новенькие складные удочки и тут же на гвоздике висело выкрашенное в зелёную краску ведёрочко для рыбы, с крышкой, совсем такое же, как у папы, только поменьше.

От радости я даже захлопал в ладоши, подпрыгнул на постели и начал поскорей одеваться.

В это время дверь открылась, и в комнату вошли папа с мамой – весёлые, улыбающиеся.

– Ну, поздравляем тебя! Хорош подарок? Доволен? – спрашивает папа. – Это уж настоящие удочки, не то что твои палки с нитками. На такие и шуку вытащить можно.

– Очень, очень доволен! – радовался я. – Только где же я на них буду шук ловить? У нас в речке их нет, а с собой на ловлю ты меня не берёшь – говоришь, что мал ещё.

– Да ведь это я тебя раньше не брал, – ответил папа, – когда тебе только семь лет было. А теперь тебе уже восемь. Ты, по-моему, даже за одну эту ночь сильно подрос. Вон какой огромный.

– Сегодня мы все вместе рыбу ловить поедем, – весело сказала мама. – Умывайся скорей, пей чай – и поедем. Погода чудесная!

Я поскорее позавтракал, захватил свои удочки, ведёрко и выбежал во двор. У крыльца уже стояла запряжённая лошадь.

Вскоре вышли и папа с мамой. Уложили в тележку удочки, чайник, котелок и мешок с провизией.

Мы все уселись и тронулись в путь.

Когда выехали за село, папа дал мне вожжи и сказал:

– Правь, ты ведь теперь уж не маленький, а я пока покурю.

Я с радостью взял в руки вожжи. Но править лошастью, собственно, и не нужно было. Дорога никуда не сворачивала, а шла ровная, прямая, среди ржаных полей.

Рожь уже выколосилась, и по ней плыли лёгкие тени от облаков.

Наша лошадь весело бежала по гладкой дороге. То и дело впереди с дороги взлетали жаворонки и, отлетев немного, снова садились на землю.

Мы проехали берёзовый лесок и выехали прямо к речке.

На самом берегу её находилась водяная мельница. В этом месте речка была запружена плотиной и разливалась в широкий пруд.

Мы оставили лошадь во дворе на мельнице, взяли из повозки удочки, ведёрки для рыбы и пошли удить.

Ниже плотины находился глубокий мельничный омут.

Мы спустились к омуту и уселись на берегу, в прогалинке между зелёными ивовыми кустами.

Справа от нас возвышалась плотина, которая сдерживала всю массу воды. Вода прорывалась в щели плотины, била оттуда сильными фонтанами и с шумом падала вниз, прямо в омут.

А на другом берегу омута стояла старая водяная мельница. Это был небольшой деревянный домик. Одна его стена подходила к самой воде, и к ней были приделаны два огромных, тоже деревянных, колеса с широкими лопастями, как у парохода. Нижние их края погружались в воду.

Стена и толстые, как деревья, столбы, поддерживавшие колёса, – всё было покрыто зелёными водорослями. Они свисали вниз, к самой воде, как длинные бороды.

Вдруг огромные колёса дрогнули и заворочались. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и с них с шумом и плеском начали стекать целые потоки воды.

Вода под колёсами запенилась, словно закипела, и побежала через омут и дальше, по речке вниз, бурлящим, кипучим потоком.

Я всё это видел первый раз в жизни и не мог оторвать глаз от чудесного зрелища.

От мощных поворотов колёс вздрагивала вся мельница, и мне казалось, что вот-вот она тронется с места и поплывёт по реке, как пароход.

– Хорошо, что мельница начала работать, – сказал папа, – вода из-под колёс пошла: в это время и рыба веселее ходит и на удочку лучше берёт. Надевай скорей червяка, начинай ловить.

Мы размотали удочки и закинули.

Возле нашего берега в заливчике вода, загороженная кустами ивняка, стояла спокойная.

Я сидел рядом с папой и внимательно смотрел на поплавки. А они тихо лежали на поверхности воды. Какие-то комарики, мошки весело толпились в воздухе над поплавками, постоянно присаживаясь на них и вновь взлетая.

Но вот поплавок моей удочки будто ожил. Он слегка шевельнулся, пуская вокруг себя по воде круги; шевельнулся ещё и ещё раз, потом стал медленно погружаться в воду.

– Клюёт! Тащи! – взволнованно шепнул папа.

Я потащил. Ух как тяжело! Удилище согнулось в дугу, а леска, натянувшись как струна, так и резала воду.

– Не торопись, а то оборвёт! – волновался папа. – Дай я помогу – упустишь, крупная попалась.

Но я вцепился обеими руками в удилище и не отдавал его.

Сильная рыба, туго натянув леску, бросалась то в одну, то в другую сторону. Я никак не мог подтащить её к берегу. Наконец рыба показалась из глубины.

Я изо всех сил рванул удилище – раздался лёгкий треск, и в руках у меня остался обломанный конец. Другой конец вместе с поплавком и леской быстро понёсся по воде прочь от берега.

– Ушла, ушла! – завопил я и, забыв всё на свете, бросился за убегающим концом прямо в воду.

Папа едва успел схватить меня сзади за курточку:

– Утонешь! Глубина здесь!

Но я ничего не видел, кроме жёлтого бамбукового кончика удочки, который, разрезая воду, уходил всё дальше и дальше.

– Ушла, совсем ушла! – с отчаянием повторял я.

На мои вопли прибежала испуганная мама. Она тут же невдалеке собирала хворост для костра.

– Что, что случилось? – ещё издали спрашивала она.

– Не плачь, – успокаивал меня папа, – может, мы её ещё и поймаем.

Но я не верил. Слезы так и текли из глаз, и мне казалось, что в целом свете нет человека несчастнее меня.

Наконец я немного успокоился.

Папа стоял на берегу и пристально вглядывался в противоположный конец омута.

– К кустам потащила. Только бы поближе к берегу подошла, – говорил он.

Я понял, что не всё ещё потеряно. И робкая надежда шевельнулась в душе.

Я тоже нашёл глазами тоненькую белую палочку, которая едва виднелась на воде ближе к другому берегу. Она всё удалялась.

– К кустам, к кустам идёт! – радостно повторял папа. – Не горюй, Юра: мы её ещё подцепим!

Мама тоже следила за удочкой.

– Ах, только бы к берегу подошла!

Наконец рыба подтащила удочку к кустам.

Тут мы все трое – папа, мама и я – со всех ног бросились через плотину на другой конец омута.

Вот и кусты. На воде возле них слегка покачивается сломанный конец удочки. И поплавок тоже спокойно покачивается на воде.

Может, удочка уже пустая? Может, рыба давно уже сорвалась?

Папа крадучись подошёл к берегу, вошёл по колено в воду и протянул руку к удилицу... и вдруг оно подпрыгнуло, как живое, и бросилось прочь. Папа за ним – бултых прямо в воду. Весь мокрый выскочил на берег.

О радость, о счастье! В руках у него была обломанная удочка. Она сгибалась в дугу, и леска опять, как тугая струна, так и резала воду. Напуганная рыба тянула вглубь и никак не шла к берегу.

Но папа и не пытался пересилить её. Он то отпускал леску, то вновь слегка подтягивал.

Папа старался утомить рыбу. А мы с мамой затаив дыхание следили за этой борьбой.

Наконец утомлённая рыба показалась на поверхности и даже немного повернулась на бок, блестя серебристой чешуёй.

Тогда папа осторожно передал мне обломок удилица:

– Тащи, только потихоньку, не торопись.

Я схватил в руки удочку и, забыв всё на свете, изо всех сил потащил на берег.

– Тише, тише, оборвёт! – закричал папа.

Рыба бросилась в глубину. Я потянул к себе.

У берега в густой траве что-то сильно зашлёпало, завозилось.

Папа и мама кинулись туда. И тут я вновь почувствовал в руках какую-то легкость. «Оборвалась, ушла!»

Но в тот же миг папа выкинул далеко на берег сверкающую чешуёй рыбу.

Она тяжело шлёпнулась в траву и забилась, запрыгала в ней.

Мы подбежали к добыче. Подминая зелёные стебли, в траве лежал крупный голавль. Я схватил его обеими руками и начал с восторгом разглядывать. Спина у него была тёмно-зелёная, почти чёрная, бока серебряные, а голова большая, широкая. Потому, наверное, эту рыбу и называли голавль.

– Ну, поздравляю тебя: теперь ты – настоящий рыболов! – радостно говорила мама.

– Да, да, рыболов! – добродушно смеялся папа. – Опять чуть не упустил. Он уж с крючка сорвался, я его еле успел в траве схватить.

– А что же ты от него хочешь, ведь это его первая настоящая добыча, – защищала меня мама. – И всё-таки он её сам вытащил.

– Конечно, конечно, – согласился папа. – Идёмте скорее к удочкам, – может, там без нас ещё что попало.

Тут мы с мамой взглянули на папу, да так и ахнули. Он был мокрый и весь в грязи. Хорошо ещё, что погода стояла жаркая.

Папа отжал немного одежду и весело махнул рукой:

– Ничего, до вечера всё высохнет!

Мы вернулись к нашим удочкам. Действительно, на одной из них у папы сидел большой окунь.

Папа дал мне из своих ещё одну удочку, вместо моей сломанной, и мы продолжали ловить. Но я уже не столько ловил, сколько всё бегал к соседним кустам, под которыми в густой траве, прикрытый от солнца лопухами, лежал мой голавль. И каким же он мне казался огромным и красивым!

Мама тоже то и дело подходила к голавлю, трогала его рукой, качала головой и улыбалась. Наверное, она радовалась моей удаче не меньше меня.

И папа всё поглядывал на меня и говорил:

– Что, брат, доволен, а?

Весь этот день я чувствовал себя самым счастливым человеком.

Я поймал ещё двух ершей. А папа наловил много разной рыбы и даже поймал щуку. Вообще день вышел на славу.

Мама развела на берегу костёр, приготовила обед и чай.

Потом мы опять ловили рыбу. Мама тоже ловила с нами и вытащила окуня.

Наконец, когда уже начало темнеть, папа с мамой собрались ехать домой. А мне ужасно не хотелось уезжать. Кажется, так всё лето и просидел бы здесь, у реки, под старыми ветлами, глядя на поплавок. Но делать было нечего.

Уложили в тележку удочки, рыбу и все пожитки, запрягли лошадь и поехали домой.

Вечер был прохладный, ясный. На западе уже догорала заря. В полях громко кричали перепела, словно выговаривали: «Спать пора, спать пора!»

Слушая их, я и вправду немножко задремал. А перед глазами всё рябила вода и поплавки на ней...

Вдруг мама тронула меня за плечо:

– Смотри, Юра, смотри скорей!

Я очнулся. Мы проезжали через берёзовый лесок. В воздухе пахло свежей берёзовой горечью. Я поглядел в глубь леса, куда указывала мама.

«Что это? Будто крохотный голубой огонёк светится в тёмной ночной траве... А вон, немного подальше, ещё и ещё. Или это в каплях росы отражаются звёзды? Нет, не может быть...»

– Видишь, светлячки, – сказал папа. – Хочешь – набери их в коробочку, а дома выпустим в сад. Пусть у нас живут.

Папа остановил лошадь, и мы с мамой принялись собирать этих светящихся жучков, которых в народе так хорошо прозвали Ивановым червячком.

Мы с мамой долго ходили по густой влажной траве, отыскивая крошечные живые звездочки. А над головой сплетались тёмные ветви деревьев, и в их просветах тоже, как светлячки, сверкали далёкие голубые звёзды.

И, может быть, именно в этот счастливый день – день моего рождения – я вдруг всем сердцем почувствовал, как хороша наша родная природа, лучше которой нет на всём свете.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, а только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока и поставила тут же рядом. Но напуганный зверёк молоко пить не стал.

Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое – пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом тявкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу тявканье в нём прекратилось, и вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрыть землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал громко и жалобно скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, и велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге возле самой двери лежал мёртвый зайчонок. Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

– Вот так штука! – сказал папа, увидя зайчонка. – Это, значит, мать-лиса ещё раз приходила к лисёнку и принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка. А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно – не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

Зато утром я поднялся чем свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

– Убирайте лисёнка куда хотите, – кричали они, – а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего, пришлось папе посадить лисёнка в мешок и отнести назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

ВОРИШКА

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко – никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберётся, бывало, на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдёшь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит – она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

– Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим – не знаем, кто из нас это сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет запирасть, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щёку трётся, за ухо зубами дёргает – просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба – и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку – и опять на шкаф.

«Постой, – думаю, – куда это она хлеб всё носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу – старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её – вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я – прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

А отец рассмеялся и говорит:

– Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт, тоже запасается.

После такого случая перестали от нас запирасть сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла. Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку – сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером усталые, поели – и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаём – вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим – все оленьи рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной – всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почувяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её – нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес.

Жалко нам стало белочки, да ничего не поделаешь.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дров, подожгли. Вдруг в печке как заводится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила – и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим – тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хотя и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

ДЖЕК

Мы с братом Серёжей ложились спать. Вдруг дверь растворилась, и вошёл папа, а следом за ним – большая красивая собака, белая, с тёмно-коричневыми пятнами на боках. Морда у неё тоже была коричневая; огромные уши свисали вниз.

– Папа, откуда? Это наша будет? Как её звать? – закричали мы, вскакивая с постелей и бросаясь к собаке.

Пёс, немного смущённый такой бурной встречей, всё же дружелюбно завилял хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул её мягким розовым языком.

– Вот и мы завели собаку, – сказал папа. – А теперь марш по кроватям! А то придёт мама, увидит, что вы в одних рубашках бегаете, и задаст нам.

Мы залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

– Джек, сядь, сядь здесь, – сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

– Здравствуй, – сказал папа, потряс лапу и снял её с колен, но Джек сейчас же подал её опять.

Так он «здоровался», наверное, раз десять подряд. Папа делал вид, что сердится, снимал лапу, Джек подавал снова, а мы смеялись.

– Довольно, – сказал наконец папа. – Ложись.

Джек послушно улёгся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть у Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под неё проступали сильные мускулы. Папа сказал, что это – охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью – за разными птицами, а на зайцев или лисиц нельзя.

– Вот придёт август, наступит время охоты, мы и пойдём с ним уток стрелять. Ну, пора спать, а то уже поздно.

Папа окликнул пса и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и отправились гулять с Джеком.

Он весело бегал по высокой густой траве, между кустами, вилял хвостом, ласкался к нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись вдоволь, мы решили идти играть в «охотников».

Джек тоже последовал за нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пенёк. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто уши.

Первым стрельнул в него Серёжа. Стрела ударилась о пенёк, отскочила и упала в траву. В тот же миг Джек бросился к стреле, схватил её в зубы и, виляя хвостом, принёс и подал нам. Мы были этим очень довольны. Пустили стрелу опять, и Джек снова принёс её.

С тех пор пёс каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подаёт не только стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь: палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и такие вещи, о которых его вовсе никто не просил. Например, побежит в дом и принесёт из передней калошу.

– Зачем ты её принёс – ведь сухо совсем! Неси, неси назад! – смеялись мы.

Джек скачет вокруг, суёт в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести её на место. Приходилось относить самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнём собираться, а он уж тут как тут – прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались, гонялись друг за другом. И Джек тоже залезал в воду, носился вместе с нами; если же ему кидали в речку палку – бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, мы же гонялись за ним по лугу, стараясь отнять кепку или рубашку. А один раз вот что случилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Пёс в это время играл с нами. Но как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся, схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь, как большой белый пузырь, тащилась по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик. Мы просто замерли на месте, боясь, что он упустит одежду и она утонет. Однако Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.

Пришлось папе плыть обратно, держа в руке одежду. Просохнуть она, конечно, не успела, и, когда мы вернулись домой, мама, увидев папу, так и ахнула:

– Что случилось? Почему ты в таком виде? Ты что, в речку упал? – Но, узнав, в чём дело, потом долго смеялась вместе с нами.

К Джеку мы очень привыкли, не расставались с ним целые дни и всё мечтали о том, когда же настанет август и папа с Джеком пойдёт на охоту. Папа обещал, что и нас тоже возьмёт с собой.

Каждое утро мы первым делом бежали к отрывному календарю, срывали старый листок и считали, сколько ещё листков осталось до августа.

Наконец остался один, последний.

В этот день папа, как только вернулся с работы и пообедал, многозначительно взглянул на нас и сказал:

– Ну-с, кто желает идти со мной готовиться к завтрашней охоте?

Конечно, повторять приглашение не пришлось. Мы с Серёжей бросились со всех ног в кабинет и усадились возле письменного стола.

Папа достал из ящика все охотничьи припасы: порох, дробь, гильзы, пыжи – и начал набивать патроны.

Мы смотрели на эти приготовления затаив дыхание. Наконец патроны были набиты и аккуратно вставлены в широкий пояс с узенькими кармашками для каждого патрона. Такой пояс называется «патронташ».

Повесив патронташ на гвоздик, папа вынул из шкафа чехол и не торопясь достал оттуда самую интересную вещь – ружьё. Оно было двуствольное, то есть с двумя стволами. В каждый ствол вставлялся патрон, так что из такого ружья можно выстрелить два раза: сначала из одного ствола, а если промахнёшься, то, не перезаряжая, сейчас же и из другого. Ружьё было очень красивое, с золотыми украшениями.

Мы осторожно потрогали его и даже попытались прицелиться, но оно оказалось слишком тяжёлым.

Когда папа набивал патроны, Джек спокойно лежал в уголке на своём коврикe. Но как только он увидел ружьё – вскочил с места, начал скакать, прыгать около папы и всем своим видом показывал, что он сейчас же готов идти на охоту. Потом, не зная, как ещё выразить свою радость, умчался в столовую, притащил с дивана подушку и так начал её трясти, что только пух полетел во все стороны.

– Что такое у вас творится? – удивилась мама, входя в кабинет.

Она отняла у Джека подушку и унесла на место.

На следующий день было воскресенье. Мы встали пораньше, поскорее оделись и уже ни на шаг не отставали от папы. А он, как нарочно, одевался и завтракал очень медленно.

Наконец папа собрался. Он надел куртку, высокие сапоги, подпоясался патронташем и взял в руки ружьё.

Джек, всё время вертевшийся у него под ногами, пулей вылетел во двор и, радостно взвизгивая, начал носиться вокруг запряжённой лошади. А потом со всего размаха вскочил на телегу и сел.

Папа и мы тоже взобрались на телегу и тронулись в путь.

– До свиданья, смотрите с пустыми руками не возвращайтесь! – смеясь, кричала нам вдогонку мама, стоя на крыльце.

Через десять минут мы уже выехали из нашего городка и покатали по гладкой просёлочной дороге, через поле, через лесок – туда, где ещё издали поблёскивала речка и виднелась обсаженная вёслами мельница.

От этой мельницы вверх по берегу реки густо росли камыши и тянулось широкое болото. Там водились дикие утки, длинноносые болотные кулики – бекасы – и другая дичь.

Приехав на мельницу, папа оставил лошадь, и мы отправились на болото.

Пока мы шли по дороге к болоту, Джек держался рядом с папой и всё поглядывал на него, будто спрашивая, не пора ли бежать вперёд.

Наконец подошли к самому болоту. Тут папа остановился, подтянул повыше сапоги, зарядил ружьё, закурил и тогда только скомандовал:

– Джек, вперёд!

Пёс, видимо, только этого и ждал. Он бросился со всех ног в болото, так что брызги во все стороны полетели. Отбежав шагов двадцать, Джек приостановился и начал бегать то вправо, то влево, к чему-то принюхиваясь.

Он искал дичь. Папа не спеша, громко шлёпая по воде сапогами, шёл за собакой. А мы шли сзади, следом за папой.

Вдруг Джек заволновался, забегал быстрее, а потом сразу как-то весь вытянулся и медленно-медленно стал подвигаться вперёд. Так он сделал несколько шагов и остановился. Он стоял не двигаясь, как мёртвый, весь вытянувшись в струну. Даже хвост вытянулся, и только кончик его от сильного напряжения мелко-мелко дрожал.

Папа быстро подошёл к собаке, приподнял ружьё и скомандовал:

– Вперёд!

Джек переступил шаг и опять остановился.

– Вперёд, вперёд! – ещё раз приказал папа.

Джек сделал ещё шаг, другой... Вдруг впереди него в камышах что-то зашумело, захлопало, оттуда вылетела большая дикая утка.

Папа вскинул ружьё, выстрелил.

Утка как-то сразу подалась вперёд, перевернулась в воздухе и тяжело шлёпнулась в воду.

А Джек всё стоял на месте, будто замер.

– Подай, подай её сюда! – весело крикнул ему папа.

Тут Джек сразу ожил. Он бросился через болото прямо в речку и поплыл за уткой.

Вот она уже совсем рядом. Джек раскрыл рот, чтобы схватить её. Вдруг всплеск воды – и утки нет! Джек удивлённо оглянулся: куда же она делась?

– Нырнула! Раненая, значит! – с досадой воскликнул папа. – Забьётся теперь в камыши, её и не найдёшь.

В это время утка нырнула в нескольких шагах от Джека. Пёс быстро поплыл к ней, но, как только он приблизился, утка вновь нырнула. Так повторялось несколько раз.

Мы стояли в болоте, у самого края воды, и ничем не могли помочь Джеку. Стрелять ещё раз в утку папа боялся, чтобы не застрелить случайно и Джека. А тот никак не мог поймать

на воде увёртливую птицу. Зато он и не подпускал её к густым зарослям камышей, а отжимал всё дальше и дальше, на чистую воду.

Наконец утка вынырнула у самого носа Джека и сейчас же вновь скрылась под водой. В тот же миг Джек тоже исчез.

Через секунду он опять появился на поверхности, держа во рту пойманную утку, и поплыл к берегу. Мы бросились к нему, чтобы поскорее взять у него добычу. Но Джек сердито покосился на нас, даже заворчал и, обежав кругом, подал утку папе прямо в руки.

– Молодец, молодец! – похвалил папа, беря у него дичь. – Посмотрите, ребята, как он осторожно её принёс – ни одного пёрышка не помял!

Мы подбежали к папе и стали осматривать утку. Она была живая и даже почти не ранена. Дробь только слегка зацепила ей крыло, оттого она и не смогла дальше лететь.

– Папа, можно взять её домой? Пусть у нас живёт! – попросили мы.

– Ну что ж, берите. Только несите поосторожней, чтобы она у вас не вырвалась.

Мы пошли дальше. Джек лазил по болоту, искал дичь, а папа стрелял. Но нам уже это было не так интересно. Хотелось поскорее домой, чтобы устроить нашу пленницу.

Когда мы вернулись с охоты, то сейчас же принялись устраивать для неё помещение. Мы отгородили в сарае уголок, поставили туда таз с водой и посадили утку.

Первые дни она дичилась. Всё сидела, забившись в угол, почти ничего не ела и не купалась. Но постепенно наша утка стала привыкать. Она уже не бежала и не пряталась, когда мы входили в сарай, а, наоборот, даже шла к нам навстречу и охотно ела мочёный хлеб, который мы ей приносили.

Скоро утка стала совсем ручная. Она ходила по двору вместе с домашними утками, никого не боялась и не дичилась. Только одного Джека утка сразу невзлюбила, наверное, за то, что он гонялся за ней по болоту. Когда Джек случайно проходил мимо, утка растопыривала перья, злобно шипела и всё старалась уцепить его за лапу или за хвост.

Но Джек не обращал на неё никакого внимания. После того как она поселилась в сарае и ходила по двору вместе с домашними утками, для Джека она перестала быть дичью и потеряла всякий интерес.

Вообще домашней птицей Джек совсем не интересовался. Зато на охоте искал дичь с большим увлечением. Он мог по целым дням без усталости в жару и в дождь рыскать по полю, отыскивая перепелов, или поздней осенью, в холод, лазить по болоту за утками и, казалось, никогда не уставал.

Джек был прекрасной охотничьей собакой. Он прожил у нас очень долго, до глубокой старости. Сперва с ним охотился отец, а потом мы с братом.

Когда Джек вовсе остарел и не мог разыскивать дичь, его сменила другая охотничья собака. К тому времени Джек уже плохо видел и слышал, а его когда-то коричневая морда стала совсем седой.

Большую часть дня он спал, лёжа на солнышке на своей подстилке или возле печки.

Оживлялся Джек, только когда мы собирались на охоту: надевали сапоги, охотничьи куртки, брали ружья. Тут старый Джек приходил в волнение. Он начинал бестолково суетиться и бегать, тоже, вероятно, как в былое время, собираясь на охоту. Но его никто не брал.

– Дома, дома, старенький, оставайся! – ласково говорил ему папа и гладил его поседевшую голову.

Джек будто понимал, что ему говорят. Он взглядывал на папу своими умными, выцветшими от старости глазами, вздыхал и уныло плёлся на свою подстилку к печке.

Мне было очень жаль старого пса, и я иногда всё-таки ходил с ним на охоту, но уже не для своего, а для его удовольствия.

Джек давно потерял чутьё и никакой дичи найти уже не мог. Но зато он делал отличные стойки на всяких птичек, а когда птичка взлетала, стремглав бросался за нею, стараясь поймать.

Он делал стойки не только на птичек, а даже на бабочек, на стрекоз, на лягушек – вообще на всё живое, что ему попадалось на глаза. Конечно, на такую «охоту» ружья я не брал.

Мы бродили до тех пор, пока Джек не уставал, и тогда возвращались домой, – правда, без дичи, но зато очень довольные проведённым днём.

СИРОТКА

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса; он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житьё из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока— и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили-учили мы её — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку, нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор... Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирал, а её не трогал. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто её покормить не хочет. Подскачит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на неё, забормочет: «Это что за безобразие!» — и прочь отойдёт. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоёт: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук кормили.

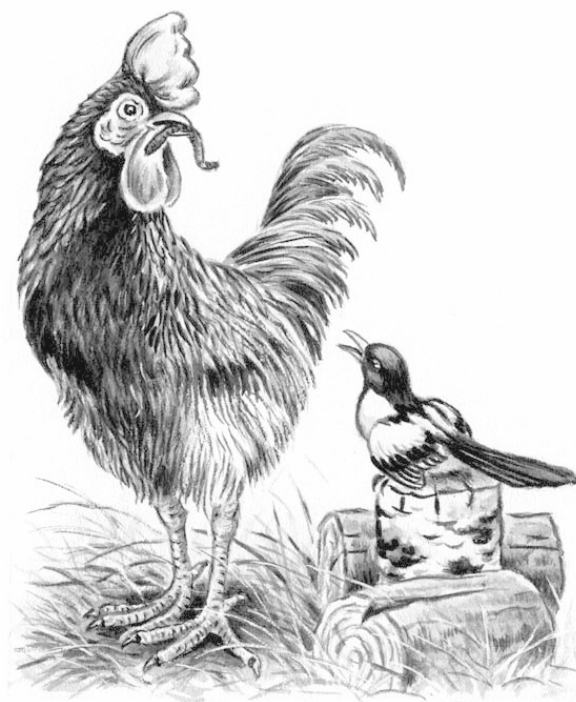
Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она приставала-приставала ко всем — никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу приметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовёт, зовёт, потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съесть не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подаёт. Съела и второго, и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!...» Кланяется, клювом червей на земле показывает: ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные.

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он ей растолковал, в чём дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку набок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: вот, мол, как по-нашему. Но сорока, видно, поняла, в чём дело, – прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются – кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

ПУШОК

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегают, лапками топает, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал ящичек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Ящик поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие веревки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой.

Везу – вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай, к санкам. Гляжу – лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормошил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча – его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо – зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это – зверёк? Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Я отправился за город, в лес, поглядеть, заметно ли там приближение весны, а кстати и осмотреть места прошлогодних тетеревиных токов.

День был солнечный. В городе сильно таяло. Но я всё-таки захватил с собой охотничьи лыжи. Лыжи у меня не простые. Я привёз их из экспедиции с далёкого Севера. Они широкие и снизу подбиты лосиными шкурами. На таких лыжах и в оттепель ходить можно – снег не подлипает.

Приехал я на маленький полустанок, надел лыжи – и прямо в лес. Хорошо, очень хорошо в нём в эту предвесеннюю пору. Весна чувствуется ещё только в воздухе. Солнце так и слепит глаза. Небо уже по-весеннему голубеет, и по нему, как льдинки в весенний разлив, плывут лёгкие белые облака. Небесный ледоход уже тронулся, а земля всё ещё покрыта льдом и снегом. Деревья и кустарники тоже в снегу, совсем по-зимнему.

Я шёл по лесной тропинке, глядя по сторонам. Вот и широкая поляна, где каждую весну токует тетерева. А сколько здесь заячьих следов! Весь снег истоптан. Теперь зайцы нередко разгуливают и днём: выскочат на полянку и греются на солнышке.

А вот и ещё один признак приближающейся весны: около старого пня, на самом солнцепёке, уже виднеется крошечная проталинка. Я наклонился и стал осматривать этот первый клочок оттаявшей земли.

Он был покрыт серой прошлогодней травой. Среди неё копошились какие-то жучки. Они проспали всю зиму под корой старого пня или под опавшими листьями и теперь выбрались на проталинку.

Я сел на пень отдохнуть. Кругом было тихо, только где-то далеко в лесу, как серебряный колокольчик, звенел голосок синицы – первая песня весны.

Вдруг среди лесной тишины я ясно услышал хруст снега и шум раздвигаемых веток. Кто-то с трудом продирался сквозь чащу березняка. Но кто же это? Человеку незачем ходить по таким местам. Охотник и тот не пойдёт теперь в лес. Зимняя охота уже кончилась, а весенняя ещё не началась. Наверное, какой-нибудь лесной зверь. Я затаился.

Шаги и треск сучьев слышались всё ближе, ближе. И вот из чащи березняка, у самой полянки, показалось что-то большое, тёмное. Неужели лошадь? Зачем же она забрела сюда? Но в тот же миг я ясно увидел, что это не лошадь, а огромный лесной бык – лось. Он вышел из мелколесья на полянку и, высоко подняв голову, огляделся.

Я сидел не шевелясь. Ветер дул в другую сторону, так что осторожный зверь не мог меня учуять.

Как он был хорош, весь освещённый весенним солнцем, на белом фоне березняка! И какой своеобразный облик у этого лесного гиганта! Длинная горбоносая морда, огромные, как вывороченные корни, рога. Сам такой тяжёлый, грузный, а ноги высокие, стройные, точно у скакового коня. И какая окраска шерсти – весь тёмно-бурый, а на ногах – словно белые, туго натянутые чулки.

Лось постоял секунду, чутко прислушиваясь. А потом широко зашагал по краю полянки, как-то странно помахивая головой, будто стараясь что-то сбросить.

Впереди густо росли несколько уже довольно толстых берёзок. Лось не обошёл их, а полез между стволами, всё так же мотая головой. И тут я увидел, что один рог у него вдруг отломился, да так и застрял, качаясь в ветвях. Из березняка лось вышел только с одним рогом и не торопясь скрылся в лесу.

Вот почему он так странно мотал головой, словно стряхивал что-то. Это лесной великан сбрасывал свой головной убор. Только поздно что-то собрался, ведь лоси ещё зимой рога сбрасывают. А за лето у них вырастут новые, больше прежних, с новыми отростками. По числу этих отростков охотники и узнают, сколько лосю может быть примерно лет.

Когда лось совсем скрылся за деревьями, я подошёл к берёзам, вытащил из ветвей сброшенный рог и, захватив с собой, отправился обратно на станцию.

Весь вагон сбежался глядеть на мою находку. Все охали, ахали, вертели лосиный рог в руках. А какой-то старичок пощёлкал по нему пальцем и сказал:

– Это лось зимнюю шапку ломает, с весной здоровается.

ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Какое утро, ширь какая!
Дымки далёких деревень...
Кругом всё искрится, сверкает,
Встречая первый вешний день.

Синеет небо, солнце светит,
Снега лучами сожжены.
Нет дня счастливее на свете,
Чем день рождения весны!

Именно вот в такое яркое предвесеннее утро я открыл примёрзшую за ночь дверь и вышел на деревянное крылечко.

Дом, где мы с моим сыном остановились на ночлег, находился в конце деревни. Он весь, до самых окон, был завален снегом, покрытым блестящей ледяной коркой.

Вчера днём начало таять, но к вечеру вновь подморозило, ступеньки крыльца обмёрзли, а с крыши прозрачными пиками повисли вниз ледяные сосульки.

Мартовский крепкий мороз ещё не отпустил. Даже вода на крыльце, в бадейке, застыла, а сама бадья от инея сделалась белой и мохнатой.

Я сел на лавочку и огляделся. Кругом снег, всё бело, как будто совсем по-зимнему. Но это уже не зима, это самое начало весны, её первое, ещё робкое пробуждение.

Напротив нашего дома росли старые, корявые вётлы. На их сучьях виднелось много грачиных гнёзд. Всю зиму они пустовали. А вот теперь возле гнёзд чинно сидели парочками большие чёрные птицы. В это утро, пока ещё крепко морозило, грачи нахохлились, распушились. Они молчали и не двигались.

Я с радостью глядел на этих красивых иссиня-чёрных птиц, первых вестников наступающей весны. Но долго глядеть на них было некогда. Вот уже мой сын Ваня, собрав все наши доспехи для зимней рыбалки, вооружившись пешней и рюкзаком, сбегает с крыльца на дорожку. Я следую за ним.

Наш путь лежит через лес к широкому заливу Волги. Ваня спешит: ему не терпится поскорее прорубить лунку во льду, опустить туда удочку и попытаться счастья.

Я, наоборот, совсем не спешу. Мне нравится куда больше самой рыбалки брести по узкой лесной тропинке среди заснеженных деревьев и кустов. Брести, наблюдая за тем, как наступает тихое предвесеннее утро.

Ваня давно уже убежал вперёд. Я остался один на один с лесом, с утром, с самим собою. Иду, останавливаясь на каждой полянке, рассматриваю следы зверьков на снегу, слушаю звонкую трескотню дятлов. Дятлы выбивают барабанную дробь – это один из первых признаков наступления весны.

Но мне хочется не только слышать, но и поглядеть, как трудится лесной барабанщик. Вот впереди нелепо торчит сухое обломанное дерево. На него уселся дятел. Я осторожно подкрадываюсь поближе. Дятел меня не видит. Он деловито передвигается вверх по стволу, потом устраивается поудобнее. Устроился, теперь всё готово, можно и начинать. Дятел откидывает назад голову и с поразительной быстротой начинает ударять – барабанить клювом по дереву: тррррррррр! – далеко разносится громкий треск, похожий на протяжный скрип сухого дерева.

Я смотрю на крылатого барабанщика, смотрю и удивляюсь: голова у него так быстро мотается взад и вперёд, что мне даже страшно – как бы она не оторвалась от шеи. Но дятлу, по-видимому, хоть бы что. Он сыплет одну дробь за другой. Вот уж настоящий, природный артист!

Иду дальше. Гляжу – на сучке осины уселась и поёт серенькая овсянка. «Зинь-зинь-зинь-зииииииии...» – старательно выводит она свою мелодичную песенку.

И непоседы синицы тоже не отстают от неё. Где-то в лесу так и куют стеклянными молоточками: «Чи-чи-ку, чи-чи-ку...»

Барабанная дробь дятла, пенье синицы, овсянки, и лёгкий звон падающих с деревьев сосуллек, и тихий шелест ветра в голых вершинах, всё это – первые звуки весеннего утра в лесу. Это первая песня самой весны, ещё робкая, неуверенная, но зато самая светлая, самая радостная.

Вот потому-то я и не спешу в залив на рыбалку, потому-то мне и хочется подольше побыть одному в лесу, послушать его первые робкие песни, его первый радостный разговор с весной.

Наконец лес обрывается, впереди – просвет. Тропка выводит к широкому волжскому заливу. Здесь уже не слышать голосов птиц – полная тишина. Но зато здесь настоящий праздник красок и света.

Передо мной – заснеженная ровная гладь, а дальше чётко виднеется кромка леса. Тут, на лесной опушке, у меня обычная передышка. Я сажусь на пенёк и смотрю вдаль, на залив. Сейчас, в утреннем свете, снег совсем не кажется белым, на солнце он искристый, розоватый, а в тени – голубой. И лес на том берегу тоже всё время меняет окраску. Недавно ещё, когда на него не светило солнце, он был пепельно-сизый и вдруг сразу порозовел, весь будто затеплился, засветился. Заснеженный лес надел свою самую лучшую праздничную одежду. Да разве можно пропустить этот счастливый миг.

Но вот солнце всплывает всё выше, гасит тёплый розовый свет на земле. Теперь и снежная даль залива, и берег, и лес на нём становятся белыми, серебристыми. Такими и будут они весь день, не изменятся до тех пор, пока солнце вновь не опустится к горизонту и, прощаясь на ночь с землёй, не нарядит её в розовые и голубые одежды.

Но до этого ещё далеко, впереди ещё длинный мартовский день, который я проведу на льду на рыбалке.

Теперь скорее туда, в залив, скорее бы разыскать Ваню. Во мне пробуждается страсть рыбака и нетерпеливое любопытство: что-то Ваня поймал без меня? Как было бы хорошо, если бы его ловля оказалась удачной. Нечего таить греха – его удаче я радуюсь куда больше, чем своей.

Зорко осматриваю белую гладь залива. Вдали, у противоположного берега, под самым лесом замечаю чёрную точку. Это мой сын. Далеконько забрался! Но делать нечего, придётся идти туда.

Наконец подхожу. Ещё издали вижу – около Вани на снегу что-то темнеет – конечно рыба. Ого, сколько натаскал!

Увидя меня, Ваня улыбается:

– Скорей иди сюда. Я тебе уже лунку прорубил. Здорово клюёт.

Сажусь возле готовой лунки и беру удочку.

Мы с сыном ловим на мормышку. Мормышка – это крохотный свинцовый грузик, в который впаян крючок. Мормышка прикрепляется к концу тонкой лески, на крючок насаживается приманка – мотыль. Приманка надета. Мормышка исчезает в воде. Она увлекает за собою вниз и туго натягивает леску. Теперь надо слегка покачивать конец удилища. При этом где-то там в глубине, у самого дна, мормышка будет также слегка покачиваться и своими движениями поддразнивать проплывающую мимо рыбу.

Но вот цель достигнута: рыба заметила приманку, схватила её, пора подсекать и тащить добычу. Обо всём этом рыбаку даст знать очень тоненький приставной кончик удилица – сторожок. К нему-то и прикреплена леска.

Рыба только слегка коснулась приманки, а сторожок уже закивал – значит, ловец будь начеку. Ещё секунда, сторожок клонится вниз – пора тащить. Лёгкая подсечка, и рука чувствует на леске что-то тяжёлое, живое. Оно упирается, с трудом подвигается к поверхности. Осторожнее, торопиться никак нельзя. Надо помнить, чтоловишь на очень тонкую леску, рыба может легко её оборвать. Но если тащить умело, не торопясь, – успех почти всегда обеспечен.

Мы с Ваней в этом деле не новички. То он, то я, сделав подсечку, начинаем осторожно выбирать леску. Вот в лунке показалось что-то тёмное, живое. Ещё немного усилий – и крупный полосатый окунь уже ворочается на снегу.

Как он красив, только что вынутый из воды, ещё весь мокрый, блестящий! Спина горбатая, тёмно-зелёная, почти чёрная, по бокам тоже тёмные полосы, а плавники ярко-оранжевые, как лепестки какого-то цветка. Глаз не хочется отвести от такого красавца.

Гляжу, любуюсь, но краем глаза всё время слежу за сыном. Вот и он тоже подсек, потащил, осторожно выволакивает из лунки на снег такого же полосатого красавца.

Нет, этот, пожалуй, крупнее, граммов на триста, а то и больше потянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.